

Работа в зоне бедствия (Ленинаканский дневник). Часть 10. Нормы защищают чиновников, а не людей

В 2018 г. исполнилось 30 лет со дня одного из наиболее трагических событий в истории нашей страны – Спитакского (Ленинаканского) землетрясения, унесшего жизни не менее 25 000 человек (по неофициальным данным, около 150 000 человек).

В январе 1989 г. автор воспоминаний – Николай Афанасьевич Самусь – из г. Волгограда был направлен в качестве технического руководителя изыскательской группы НижневолжТИСИЗ в составе экспедиции Госстроя РСФСР в зону землетрясения – г. Ленинакан (ныне г. Гюмри), где был назначен главным геологом экспедиции. Работа была чрезвычайно масштабная и столь же специфическая. Ныне почётный изыскатель СРО «АИИС» Николай Афанасьевич работает геологом-консультантом в ООО «ГеоСИМ».

В марте и апреле журнал «ГеоИнфо» опубликует в виде небольших заметок, выходящих по 2 раза в неделю, воспоминания Николая Афанасьевича о той работе.

В полном объёме текст воспоминаний публикуется впервые.

Самусь Николай Афанасьевич
Геолог-консультант ООО «ГеоСИМ»
Samus.nikolaj@yandex.ru

В субботу, **18 февраля**, после обеда вдруг заявила комиссия Госстроя СССР с проверкой, почему медленно идут изыскания. Председатель комиссии, главный

специалист главного научно-технического управления Госстроя СССР Б.Н. Астраханов, пройдя в середину вагона, громко заявил, что ему нужен главный геолог экспедиции Кузнецов Ю.В. Сидя на своём месте у входа в вагон, выждав несколько секунд, я предложил, если они не возражают, свою фамилию, превратив казус в шутку. После чего предложил всей комиссии располагаться вокруг моего стола.

Комиссия была представительная: кроме Б.Н. Астраханова в её составе были: главный инженер института НИИОСП Ханин А.Е., зав. лабораторией НИИОСП Ю.А. Багдасаров, зав. отделом НИИОСП Т.А. Ларина, начальник отдела института «Фундаментпроект» Е.Ф. Лаиш, главный геолог НИИОСП Захаров А.А. (так записано в моём дневнике).

После нескольких моих вопросов на тему, что именно они собираются проверять, чтобы подобрать необходимые документы, выяснилось, что им нужны хоть какие-то материалы и показатели по грунтам, чтобы выработать рекомендации для строителей, которые всё ещё не знают, как строить, а проектировщики – как проектировать в новых для них условиях. Я им выдал рассчитанную позавчера мной на всякий случай подборку и посетовал на отсутствие лаборатории здесь, на месте, что тормозит выдачу материалов. Они ушли, довольно улыбаясь.

Вечером улетел Акинфиев, а из Еревана приехал расстроенный Л.Г. Кушир: до сих пор не подписан ни один договор, Арминжпроект оказался, по его словам, несостоятельной организацией, выделенные Правительством Союза деньги на изыскания Госстрой Армении уже распределил на другие цели, с Арминжпроектом, похоже, полный разлад. Тогда как будет с лабораторией, организованной на базе этого института, которая первое время должна работать на экспедицию, а по окончании её деятельности – быть переданной институту? Приборы, то есть, оснащение лаборатории ПО «Стройизыскания» уже прислало в Ереван.

19 февраля в 2 часа 10 минут проснулся от толчка, качнувшего вагон. Несколько мгновений слышал гул. (Или мне приснилось?). Днём был в погранотряде, рекогносцировка с биолокацией, поехал потому, что на плане здесь был показан разлом, что подтвердилось биолокацией. Утром в Волгоградском отряде небольшой переполох: Ю.М. Васильев, никому не сказав, ушёл на автобазу и там задержался.

20 февраля. С тех пор, как мы здесь, ни разу не шёл снег. Стояла сухая, почти постоянно солнечная погода, по ночам морозы до -20, а днём на солнце иногда подтаивало. В тени держался мороз. Работать было просто, транспорт не застревал. Зима была бесснежная. А сегодня утром выпал снег, всё побелело. Вчера я обратил внимание, что южные склоны гор потемнели, пахло весной. На улицах постоянно было пыльно, даже слишком, иногда настолько, что в густом потоке машин опасно было совершать обгон. Пыль была повсюду, возможно, поэтому в поезде почти все кашляют.

Всё больше ощущаю необходимость карты толщины слоя надтуфовых суглинков на территории Лениакана.

Сегодня слёг с температурой Э.А. Попов.

Кто-то принёс сообщение о прорыве дамбы Краснодарского водохранилища, есть жертвы. Если это правда, могут быть неприятности и у меня, я там принимал участия в изысканиях. (С тех пор – никакой информации).

21 февраля. Вторник. Поездка в Ереван для встречи с Г.Л. Коффом. Практически встреча состоялась не с ним, а с В.В. Севостьяновым и С.А.

Несмеяновым в присутствии М.М. Мешкова и Ю.И. Баулина. Готовясь к встрече, я подумал, что слушать меня будут не как персону, геолога, а как должностное лицо – главного геолога экспедиции, которое назначено для организации и контроля работ в соответствии с требованиями нормативных документов (НТД). Поэтому решил не упоминать о биолокации совсем, поскольку в НТД она не значится. Я рассказывал о выполнении геофизических работ на наших объектах геофизиков из Донецка, Москвы и Иркутска. В.В. Севостьянов и С.А. Несмеянов выразили сомнение в достоверности результатов определения трещиноватости массивов геодинамическими методами, ссылаясь на то, что никто не видел эти трещины. Нужна траншея. Надо или пройти её, или найти в бортах карьеров. (Добавлю, что раньше и позже я нашёл несколько обнажений трещиноватых зон, на которые вышел с помощью биолокации (рис. 1, 2), но в данной аудитории рассказывать об этом не собирался).

Вернулись в Ленинакан в 7 вечера, и здесь неприятность: позавчерашняя комиссия Госстроя Союза написала докладную на 15 листах в штаб Совмина РСФСР по восстановлению зданий и сооружений в Ленинакане, где нелестно отозвалась о полноте и качестве наших изысканий. Самый неприятный день за время пребывания здесь.

22 февраля. Среда. По средам приезжает Григорий Львович Кофф, в эти дни особое напряжение. К концу дня выматываешься...

С утра суeta с отчётами по ГК – градостроительным комплексам в 58 квартале. 58 квартал – в северо-западном районе «Мармашен», выделенном как вариант для переноса жилья и соцкультбыта из нынешнего города, намечен в качестве первоочередного, так называемый квартал 58 «А» – «Ани» – примерно 80 га. Он разделён на 12 ГК, распределённых по строительным министерствам, а нам для изысканий – весь, но и мы разделили ГК по отдельным трестам.

Точно так же разделён между министерствами и участок расположения баз стройиндустрии «Северный» или Маисян. Он расположен в 4–5 км к северу от Ленинакана, вправо от шоссе на Гукасян, на треугольной площадке с размером сторон 1300 м.

К сожалению, парой своих рук всё не охватишь. Камеральщиков нет. Не успеваю сам отстроить и увязать карты, что составляют представители трестов.

Перед обедом заходил главный геолог МПС Д.Г. Господинов, настаивал на необходимости особого внимания объектам ведомства (за ними было закреплено также и восстановление части повреждённого жилья). Мне он запомнился потому, что за время короткого разговора дважды повторил, что он – кандидат геолого-минералогических наук. Обещал ему сделать, что будет в моих силах.

Рис. 1. Вертикальные трещины, найденные биолокацией, чётко видны на обнажении туфов

Запомнил его не зря. Примерно через месяц, после сдачи СтавропольТИСИзом отчёта по объекту МПС Господинов написал на меня жалобу в комиссию Коффа на низкое качество изысканий: не было выполнено прямое определение плотности частиц грунта (ставропольцы приняли табличные, статистически достаточно обоснованные значения). При очередном приезде комиссии экспертов Г.Г. Стрижельчик показал мне эту жалобу на 2 листах, я прочитал её, согласился, что не определяли, приняли табличные, но остальные, более значимые, характеристики определили верно, посмотрел на Гену и спросил: «Ну, и что? К остальному претензии есть?» «Ты жалобу прочитал? Беседу с тобой я провёл? Пойдём обедать».

В обед вдруг прибыл усталый Кофф, встретился с ним в столовой. После обеда он опять взял меня в команду, сначала работали по VII зоне восстановления жилья в штабе Госстроя РСФСР, затем поехали на объекты. Приглашая меня, Кофф сначала справился, располагаю ли я временем? Затем состоялся такой диалог: «Если сможешь – едем, с тобой легче дышится». «Спасибо, поеду». «Как работают мои студенты?» – «Сейчас здесь их нет, но они получают всё, что потребуется». – «Пусть собирают всё, включая эти твои линии (здесь я улыбнулся). «Почему ухмыляешься?» – «Потому что вчера в Ереване вопрос об этих линиях повис в воздухе». – «Слушай, давай условимся, что есть конечная инстанция. Сейчас – это я». – «Хорошо!».

При обследовании рассматривали только спорные объекты. В том числе 3 дома по ул. Ширакаци, школу там же, жилой дом и школу по ул. Бульварной и инфекционную больницу. К обоим объектам на Бульварной я приложил руку: подтвердил, действительно, что оба объекта лежат на разломе и оба надо

сломать. Члены комиссии не все были согласны, и здесь решающим оказалось слово Коффа, который утвердил слом.

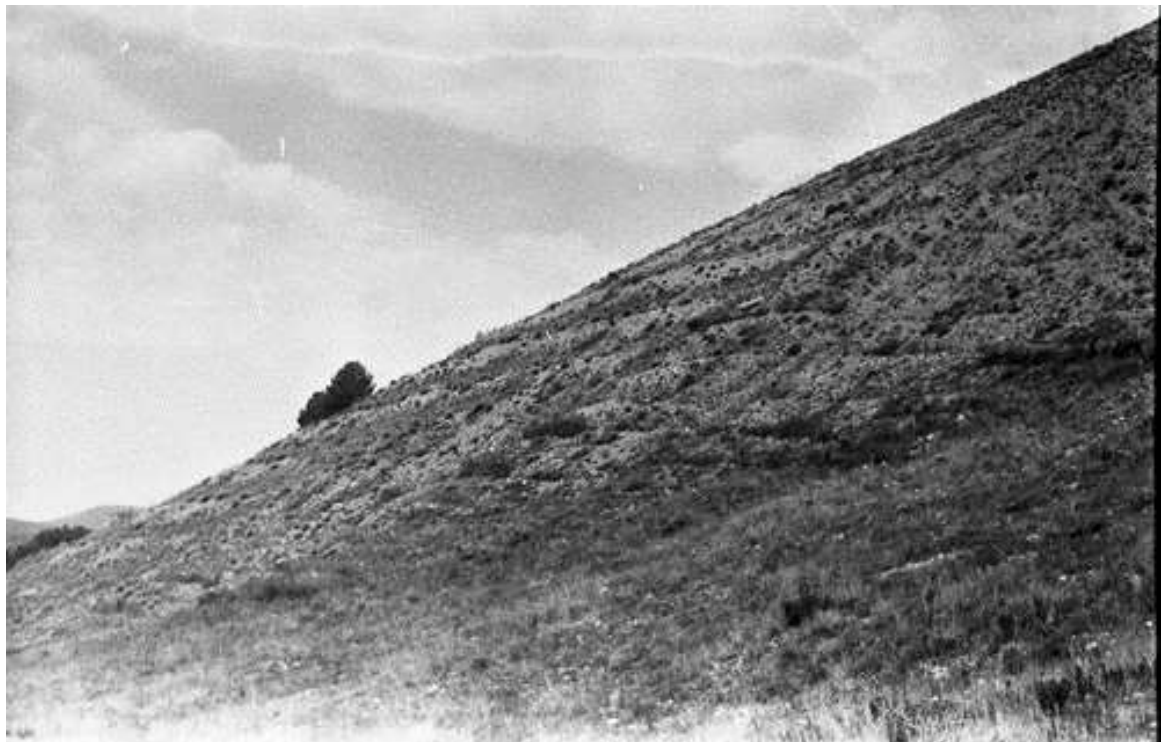

Рис. 2. Трещины, найденные биолокацией, подтверждаются и растительностью

Хочу добавить, что после длительных размышлений моя точка зрения **сейчас** несколько **изменилась**. Тогда я поступал в соответствии с требованиями тогдашних нормативных документов. Это меня, увы, оправдывает. Но сейчас я понимаю, что и тогдашние, и нынешние нормативные документы защищают не столько безопасность сооружений и людей, пребывающих в них, сколько безопасность лиц, принимающих и утверждающих нормативные документы. Эта ситуация будет сохраняться до тех пор, пока изучение сейсмичности, а также разработка нормативных документов будет в руках геофизиков, то есть, математиков, без привлечения геологов. Пока наша сейсмология придерживается правила «лучше перестраховаться» и с перепугу вместо хладнокровной научной оценки продолжает нагнетать сейсмическую опасность вместо того, чтобы оценивать её объективно с учётом статистических данных, наша страна и содружество будут вкладывать излишне большие деньги в борьбу с мнимой угрозой. Наши сейсмологи продолжают придерживаться фиксистского взгляда, что землетрясения непредсказуемы и происходят неизвестно когда, где и почему. Поэтому наличие трещин в литосфере рассматривается как чрезвычайно опасное обстоятельство, предвестник скорой беды. Но ведь землетрясения не случаются где попало и когда попало! Они перемещаются вдоль сейсмогенных, точнее, коллизионных разломов и случаются в Закавказье с периодичностью раз в 200–400 лет. Например, храм Гарни в 28 км восточнее Еревана был разрушен в результате землетрясения 1679 года и с тех пор в том месте землетрясения не повторялись. Но ведь наши «типовые» пятиэтажки и промышленные постройки имеют амортизационный период 50–70 лет, редко

больше. Если бы наши НТД учитывали эту реальность, сколько бы денег было сэкономлено, а жители Ленинакана вот уже почти 30 лет жили бы в своём отремонтированном жилье. Постепенно его надо было бы менять на сейсмостойкое. А вот в районе Еревана землетрясений давно не было (не накаркать бы!), там строения без противосейсмичной защиты **надо** менять.